

БОРЬБА
ЗА ЛЮБОВЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДИАНА ДАЙКУ

Диана Дайку

Борьба за любовь

«Автор»

2026

Дайку Д.

Борьба за любовь / Д. Дайку — «Автор», 2026

Она никогда не искала неприятностей. Но одна встреча с опасным мужчиной перевернула её жизнь. Он — человек, чьё имя вызывает страх и уважение. Властный, богатый, привыкший контролировать всё вокруг. Она — девушка с сильным характером, которая не собирается подчиняться никому. Между ними вспыхивает притяжение, которому невозможно сопротивляться. Но чем сильнее становятся их чувства, тем больше тайн выходит на свет. Прошное хранит слишком много секретов, а некоторые враги готовы на всё ради мести. Страсть, ревность, опасность, борьба за доверие и любовь, которая способна изменить даже самых сильных людей. Смогут ли они сохранить свои чувства, когда на кону окажется гораздо больше, чем просто счастье?

© Дайку Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
глава 2	10
глава 3	15
глава 4	20
глава 5	28
глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Диана Дайку

Борьба за любовь

Глава 1

Настя:

Весна — моё любимое время года.

Идёшь по улице с термосом горячего кофе в руках, а вокруг всё понемногу оживает. На деревьях появляются первые листья, цветы пробиваются сквозь землю, а необычный запах свежести прорывается даже в каменные улицы большого города.

Единственное, что немного портит этот момент — я иду на смену.

Конечно, я люблю свою работу. Люблю коллектив. Да и слишком долго стремилась стать врачом, чтобы сейчас жаловаться. Но иногда мысль остаться дома или провести день с подругами кажется куда привлекательнее, чем очередные двенадцать часов в больнице.

Входя через большие стеклянные двери больницы, я сразу наткнулась на шум, доносившийся из приёмного отделения.

— Вы ещё заплатите за это! Вы вообще представляете, кто перед вами стоит?! — мужской голос эхом разнёсся по коридору.

Я повернула голову.

Мужчина, на вид лет тридцати восьми или около сорока, стоял возле стойки регистрации. Палёный костюм дорогого бренда, который, как ни странно, сидел на нём неплохо, староватые часы какой-то средней фирмы, а выражение его лица буквально кричало: «Мне плевать на правила. Я привык получать всё».

У таких обычно маленькое мужское достоинство. К сожалению, по опыту знаю.

Перед ним стояла новая сотрудница — совсем молодая девушка. По её дрожащим пальцам было видно: она едва сдерживается.

— Сэр вам нужно подождать. Сейчас врач занят — тихо сказала она.

— Подождать?! — он резко ударил ладонью по стойке. — Если с ним что-то случится, я уничтожу это место.

Несколько человек в приёмной замолчали.

А я только тяжело выдохнула.

Ненавижу начинать день не с той ноги.

Первый час смены, и уже хочется уйти домой.

Я поставила термос на стойку и медленно подошла ближе.

— Доброе утро, — спокойно сказала я, переводя взгляд с испуганной девушки на мужчину.

Он повернулся ко мне.

— Вы здесь врач?

— Почти, — ответила я ровно. — А теперь объясните, что происходит.

— Происходит то, что ваша сотрудница не понимает простых вещей. Некоторые люди не ждут в очередях.

Я мельком посмотрела на его костюм, отполированные туфли и часы. Совру, если скажу, что не пыталась унижить его своим взглядом.

— Некоторые действительно не ждут, — кивнула я. — Например, те, кто находится между жизнью и смертью.

Его взгляд потемнел.

— Вы хоть понимаете, с кем разговариваете?

— Нет, — спокойно ответила я. — И, честно говоря, сейчас меня это не особо волнует. Он усмехнулся, но в глазах мелькнуло раздражение.

— Плохой ответ.

Я слегка наклонила голову.

— Тогда вот хороший: у нас есть правила. И пока ваш родственник или знакомый не умирает прямо сейчас, ему придётся ждать, как всем остальным.

Мужчина сделал шаг ко мне.

Достаточно близко, чтобы большинство людей отступили.

Но я осталась стоять.

— Обычно люди не разговаривают со мной таким тоном.

— Тогда считайте сегодняшний день особенным, — ухмыльнулась я.

Тишина.

Даже женщина в углу перестала листать телефон.

Я выдержала его взгляд и спокойно продолжила:

— Послушайте — взяла небольшую паузу и продолжила. — Мне всё равно, сколько у вас денег, какая фамилия или сколько людей выполняют ваши приказы. Здесь это ничего не значит. В этой больнице богатые, бедные, влиятельные и обычные сидят на одинаковых стульях и ждут одинаково.

Его челюсть напряглась.

— Вы слишком смелая.

Я устало вздохнула.

— Нет. Просто терпеть не могу хамов. Поэтому сейчас вы спокойно садитесь и ждёте. Или продолжаете кричать, пока я вызываю охрану.

Несколько секунд он смотрел на меня так, будто впервые столкнулся с человеком, который не пытается ему угодить.

Потом неожиданно усмехнулся.

Тихо.

Почти заинтересованно.

После чего медленно развернулся

И сел на ближайшую лавку ожидания.

Во всей приёмной стало непривычно тихо.

Новая сотрудница облегчённо выдохнула и поблагодарила улыбкой.

А я только взяла свой термос обратно.

Первый час смены.

И чувство, что это только начало проблем.

Только успела переодеться и открыть карту первого пациента, как в дверь кабинета тихо постучали.

— Входите.

Дверь открылась почти сразу.

Роман Александрович.

Тот самый мужчина, по которому, если верить моей подруге Кате, вздыхает половина девушек больницы.

Белый халат сидел на нём без изъянов, словно он только сошёл с рекламы дорогих духов.

— Доброе утро, Настенька, — уголок его губ слегка поднялся. — Слышал, ты снова спасла приёмную от скандала.

Я, не отрываясь от бумаг, ответила:

— Просто делаю свою работу.

Он облокотился о шкафчик с одеждой недалеко от меня, и его до боли знакомый, немного терпкий аромат духов снова начал цепляться за воздух вокруг.

Бесил.
Как и он сам.
С лёгкой ухмылкой Роман произнёс:
— Скромность тебе не к лицу.
Я подняла взгляд.
— А тебе самоуверенность.
Несколько секунд он смотрел на меня.
Потом тихо усмехнулся.
Будто принимал очередной раунд нашей странной игры.
— Знаешь — начал он спокойнее. — Я давно хотел обсудить наши отношения.
Я подняла бровь.
— Какие отношения?
— Те, что между нами.
Я отложила бумаги.
— Роман Александрович
— Просто Рома, Настя.
Я медленно отложила бумаги.
— Рома, беру секунду Нет никаких отношений, мы, по-моему, закрыли эту тему.
Он молчал.
Как всегда, уверенный, что сможет повернуть разговор в свою сторону.
— Да, нам было хорошо вместе, — произнесла я спокойно. — И, возможно, в какой-то момент я даже подумала, что за всем этим есть что-то большее.
Его взгляд едва заметно изменился.
Я продолжила:
— Но потом оказалось, что я просто ещё одна женщина в твоём расписании между операциями и красивыми обещаниями.
— Настя
— Нет, дай закончить, — впервые за разговор перебила его я. — Ты любишь себя, Роман. Любишь внимание. Любишь, когда женщины смотрят на тебя так, будто ты центр их мира.
Он напряг челюсть.
Попала.
— И знаешь что? Это нормально. Правда. Каждый живёт как хочет.
Я подняла взгляд.
— Но я не хочу быть рядом с мужчиной, который сегодня засыпает рядом с одной женщиной
Мой голос стал тише.
— а через неделю я нахожу его в постели с другой.
Тишина.
Его лицо впервые стало жёстче.
— Ты серьёзно веришь, что не все мужчины такие?
Я усмехнулась.
Без радости.
— Проблема в том, что даже если все мужчины такие, я не готова с этим мириться. Слава богу, я знаю себе цену.
И тогда его злость:
— Думаешь, я привык оправдываться?
— Нет. Думаю, ты привык, что тебе всё прощают.
— А ты не простила.
— Нет.

— Знаешь, что меня бесит больше всего? — его голос стал ниже. — То, как легко ты решила за нас обоих, что всё закончилось.

— Закончилось давно.

Он усмехнулся.

Только без тепла.

— Может быть, для тебя.

Его взгляд задержался на мне дольше обычного.

— Но я не привык отдавать то, что однажды посчитал своим.

Я выдохнула, собрала бумаги и вышла из кабинета, не сказав ни слова.

На часах семь утра.

Утренний короткий перерыв на чай и кофе.

Мы с Катей, как обычно, сидели в комнате отдыха, запивая дешёвый кофе разговорами о работе, пациентах, жизни и, конечно же, мужчинах.

Потому что без последнего женская дружба, кажется, существовать не умеет.

Катя листала что-то в телефоне и вдруг довольно усмехнулась.

Я приподняла бровь.

— Что опять?

Она быстро заблокировала экран.

Слишком быстро.

Подозрительно.

— Ничего.

Я фыркнула.

— Катя.

Она театрально закатила глаза.

— Ладно. Помнишь того высокого брюнета с прошлых выходных?

Я нахмурилась.

— Ты серьёзно думаешь, что я успеваю запоминать?

Катя рассмеялась.

— Вот именно. Потому что их уже слишком много.

— И?

Она пожала плечами.

Так легко, будто говорила о погоде.

— И ничего. Снова оказалось, что мужчина либо женат, либо скучный, либо хочет только развлечься.

Я отпила кофе.

— А ты чего хочешь?

На секунду она замолчала.

Потом улыбнулась.

Но как-то слабее обычного.

— Не знаю. Наверное, впервые чего-то нормального.

Я подняла взгляд.

Катя редко говорила серьёзно.

— Чтобы один раз и спокойно? — усмехнулась я.

Она ткнула в меня ложкой.

— Не умничай. Да. Иногда хочется не менять мужчин каждые выходные, а проснуться рядом с одним и чтобы не хотелось сбежать утром.

Несколько секунд мы молчали.

Потом она хитро посмотрела на меня.

Опасно хитро.

— Колись давай, что у тебя на личном?

Я тяжело вздохнула.

— К сожалению, мне нечем тебя удивить.

Катя вздохнула с печалью.

— Насть, ну серьёзно. Да, Роман козёл, но не все же такие. Нельзя на этом заикливаться. Я покачала головой.

— Кать ты меня не приписывай к светлым девам. Конечно, на нём я не заикливаюсь, но все, с кем я была потом, не были лучше.

Она посмотрела на меня долгим взглядом.

Тем самым.

Когда понимает больше, чем я говорю.

— Ну хорошо, а какой тогда тебе мужчина нужен?

Я коротко усмехнулась, понимая, что Катя не слезет с меня.

Я задумалась.

Совсем ненадолго.

— Не знаю Чтобы рядом спокойно было.

— Спокойно? После Ромы? Не верю.

Я усмехнулась.

— Чтоб характер был. Может, даже тяжёлый. Чтобы смотрел так и сразу понятно — лучше не спорить.

Катя округлила глаза.

— Ого. Настенька любит опасных?

Я коротко улыбнулась.

— Нет.

Подняла стаканчик.

— Просто хочется такого мужчину, рядом с которым я чувствовала бы себя как за скалой.

В этот момент дверь комнаты отдыха резко открылась.

— Настя, быстро в приёмное! — крикнула одна из медсестёр. — Срочный случай. Очень тяжёлый.

Катя раздражённо вздохнула:

— Ну вот. Даже кофе спокойно допить не дают.

Я поднялась с места, ещё не понимая, что через несколько минут увижу человека

глава 2

Павел:

На часах было далеко за полночь.

Музыка в моём VIP-клубе была по стенам слишком громко, смешиваясь с женским смехом, звоном бокалов и запахом дорогого алкоголя.

Раньше мне нравился этот шум.

Сейчас раздражал.

К счастью, долго слушать его не придётся.

Я поднялся на второй этаж в свой кабинет, чтобы закончить с документами по новому договору между мной и севером.

Мафия с севера держала несколько территорий, пересекающихся с моими землями.

А значит — деньги.

Очень большие деньги.

Перед дверью, как обычно, стояли четверо охранников.

Игорь тоже был там.

Моя правая рука.

Наверное, единственный человек, которому я мог доверить собственную жизнь.

Хотя даже ему — максимум процентов на восемьдесят.

Он сразу протянул мне папку с документами.

— Паш бумаги готовы.

Я поднял взгляд.

Слишком напряжённый.

По интонации понял сразу:

Что-то произошло.

Дал короткий знак головой.

Игорь зашёл следом за мной в кабинет.

Дверь закрылась.

Тишина.

Только шум музыки где-то далеко за стенами.

Я бросил папку на стол.

— Говори.

Игорь заметно напряг плечи.

Редко.

Значит новости плохие.

— Виктор с севера сообщил появилась группа с юга. Попытались зайти на наши территории.

Я сел в кресло, продолжая просматривать документы.

Никаких лишних эмоций.

— Продолжай.

— Северные быстро среагировали. Разобрались. Главаря привезут сегодня на встречу.

Мои пальцы остановились на последней странице договора.

Несколько секунд тишины.

Я медленно поднял взгляд.

— То есть человек решил залезть на мои земли

Игорь молчал.

— а я узнаю об этом за пять минут до его приезда?

Спокойно.

Без повышения голоса.

Но именно после такого тона люди обычно начинали нервничать.

Игорь сглотнул.

Едва заметно.

— Это больше не повторится.

Я выдержал паузу.

Достаточно длинную, чтобы он понял:

Мне не понравилось.

Потом снова перевёл взгляд на бумаги.

— Надеюсь.

Тишина.

— Можешь идти.

Он уже почти открыл дверь, когда я произнёс:

— Игорь.

Тот остановился.

— Да?

Я подписал последний документ.

Не поднимая глаз.

— Если на встрече окажется, что мне сообщили не всё

Секунда.

— кто-то сегодня не вернётся домой.

Игорь ничего не ответил.

Только коротко кивнул.

Потому что мы оба понимали:

Я никогда не говорил подобное просто так.

Дверь закрылась.

Через несколько минут я уже был в подземной части клуба.

Бетонные стены. Тусклый свет.

Ряды ящиков с дорогим алкоголем вдоль стен.

Запах сырости смешивался с табаком и порохом, который, кажется, никогда не покидал подобные места.

В центре помещения стояли люди Виктора.

Человек семь.

И ещё один

На коленях.

Тот самый.

Решивший, что может зайти на мои территории.

Я остановился рядом с Игорем.

— Слушаю.

По Виктору сразу было видно:

Нервничает.

Но что-то в его страхе выглядело слишком натянуто.

— Все вопросы по вашим землям решены — начал он.

Я поднял руку.

Он сразу замолчал.

— Меня не интересует то, что я уже знаю.

Короткая пауза.

Я посмотрел на человека на коленях.

— Меня интересует это.

Виктор быстро кивнул.

— В знак преданности мы решили лично привезти его к вам. Он хотел забрать часть ваших территорий, но—

Я сделал шаг вперёд.

Он тут же затих.

— Ты сейчас не в том положении, чтобы решать, какие сюрпризы мне устраивать.

Тишина.

— Почему я узнал об этом последним?

Виктор сглотнул.

— Больше такого не повторится.

Несколько секунд я просто смотрел на него.

Потом перевёл взгляд на мужчину на коленях.

Тот тяжело дышал.

Слишком молодой.

Слишком глупый.

Решил рискнуть.

Ошибся.

Я медленно достал пистолет из кобуры.

По помещению сразу прошла тишина.

Даже Виктор перестал нормально дышать.

Человек поднял голову.

В его глазах впервые появился настоящий страх.

— Пожалуйста — голос дрогнул. — У меня семья

Я слегка наклонил голову.

Рассматривая его.

Будто действительно думал.

Потом спокойно ответил:

— Тогда тебе стоило подумать о ней раньше.

Выстрел.

Глухой звук эхом ударился о бетонные стены.

Тело рухнуло почти сразу.

Без крика.

Тишина после оказалась громче самого выстрела.

Я убрал оружие обратно.

Словно ничего не произошло.

— Отправьте его людям на юге, — произнёс спокойно. — Пусть понимают, чем заканчиваются попытки забрать чужое.

Никто не двинулся сразу.

Страх умеет замедлять людей.

Я перевёл взгляд на Виктора.

— Теперь

Сделал шаг ближе.

— Объясни мне подробно, на каких позициях сейчас стоит юг.

Он сглотнул.

— Я хочу знать всё.

Мой голос остался ровным.

— Потому что после сегодняшнего дня

Короткая пауза.

— Их земли станут моими.

И именно в этот момент
Раздался оглушающий взрыв.
Такой силы, что стены дрогнули.
Свет мигнул.
Кто-то закричал.
Первые выстрелы прозвучали почти сразу.
Не хаотично.
Подготовленно.
Засада.
Игорь резко схватил меня за плечо.
— Паш! Назад!
Поздно.
Я сразу понял, это люди с юга, Виктор оставил за собой след.
Шум.
Крики.
Пыль.
За несколько секунд помещение превратилось в ад.
Кто-то из моих людей упал.
Игорь уже отдавал команды.
Охрана стреляла без остановки.
Я видел только одно:
Выход перекрыт.
Значит
Остаётся идти вперёд.
Всегда вперёд.
Один из нападавших появился слишком близко.
Я успел первым.
Выстрел.
Ещё один.
Тела падали один за другим.
Следующий.
Ещё.
Время словно замедлилось.
Оставался последний.
Молодой.
Испуганный.
С оружием в дрожащих руках.
Наши взгляды встретились на секунду.
Он понимал:
Проиграл.
Я понимал тоже.
Но проигравшие опаснее всего именно тогда, когда терять уже нечего.
Я поднял оружие.
Он тоже.
Почти одновременно.
Грохот.
Резкая боль.
Сначала одна.
Потом ещё.

Будто что-то горячее прошло насквозь.
Воздуха резко стало мало.
Мой выстрел оказался быстрее.
Последний нападавший рухнул.
Но и ноги вдруг перестали нормально держать.
Странно.
Я столько раз видел смерть рядом.
Но никогда не думал
Что однажды она посмотрит прямо на меня.
Где-то рядом слышался голос Игоря.
Глухо.
Будто через воду.
— Паша!
Ещё громче:
— Сука! Нет!
Кто-то схватил меня.
Пол оказался неожиданно холодным.
А мысли
Непривычно тихими.
Последнее, что я услышал перед тем, как всё исчезло:
— Машину! Быстро! Он ещё жив!

глава 3

Настя:

Утренний перерыв подходил к концу.

Катя всё ещё пыталась допить свой кофе, параллельно рассказывая, почему мужчина с прошлых выходных оказался очередным разочарованием.

Я слушала вполуха.

Вернее Делала вид.

Потому что мысли почему-то снова возвращались к разговору с Романом утром.

Странно.

Полгода прошло.

А некоторые люди всё ещё умудряются раздражать одним своим существованием.

— Настя, быстро в приёмное! — дверь комнаты отдыха резко распахнулась.

Одна из медсестёр выглядела бледнее обычного.

Плохой знак.

— Срочный случай. Очень тяжёлый.

Катя раздражённо выдохнула:

— Ну вот. Даже кофе спокойно допить не дают.

Я поднялась автоматически.

Ноги уже двигались быстрее мыслей.

Привычка.

В экстренной медицине иначе нельзя.

Коридоры больницы встретили привычным шумом:

Шаги.

Голоса.

Звук каталки где-то вдали.

Но чем ближе я подходила к приёмному отделению

Тем сильнее понимала:

Что-то не так.

Слишком много людей.

Слишком напряжённо.

— Что случилось? — спросила я у медсестры на ходу.

Та только покачала головой.

— Огнестрельные.

Я резко остановилась.

— Сколько?

— Несколько. Но один

Она запнулась.

— очень плохой.

В этот момент двери приёмного отделения распахнулись.

И внутрь буквально влетела каталка.

Кровь.

Первое, что бросилось в глаза.

Слишком много.

На одежде.

На руках человека, бегущего рядом.

На полу.

— Давление падает! — крикнул кто-то.

— Срочно операционную!
Я подошла ближе.
И впервые увидела его.
Мужчина.
На вид около тридцати.
Даже сейчас, почти без сознания, выглядел так, будто привык командовать.
Тёмные волосы.
Несколько старых шрамов.
Слишком спокойное лицо для человека между жизнью и смертью.
И странно
Он не выглядел испуганным.
Будто смерть для него — давно знакомая вещь.
— Две пули! — быстро заговорил мужчина рядом с каталкой. — Одна ниже ребра, вторая
Он запнулся.
Я подняла взгляд.
И впервые заметила его.
Того самого.
Правая рука.
Игорь.
Хотя имени ещё не знала.
Костюм дорогой.
Руки в крови.
Но глаза
Глаза человека, который реально боится.
— Спасите его, — произнёс он неожиданно тихо.
Не приказ.
Не угроза.
Почти просьба.
Странно.
Я коротко кивнула.
Проверяя пульс пациента.
Слабый.
Очень.
— Если хотите помочь — отойдите, — резко сказала я.
Мужчина напрягся.
Я почувствовала сразу.
Такие люди не привыкли, когда им приказывают.
Но сейчас мне было плевать.
— Я сказал: отойдите.
Несколько секунд он смотрел на меня.
Будто решал
Кто я вообще такая.
Потом сделал шаг назад.
Хорошо.
Умный.
— Подготовьте операционную! — крикнула я. — Быстро!
Люди вокруг начали двигаться.
Шум.
Команды.

Кровь.
Обычный хаос.
Но что-то заставило меня снова посмотреть на пациента.
И тогда
Его пальцы неожиданно сжали моё запястье.
Слабо.
Почти незаметно.
Я замерла на секунду.
Глаза мужчины приоткрылись.
Тёмно серые.
Тяжёлые.
Не совсем в сознании.
Но смотрел он прямо на меня.
Словно видел.
По-настоящему.
Губы едва шевельнулись.
Настолько тихо, что я почти не услышала:
— Не дай
Секунда.
— мне сдохнуть.
А потом его рука ослабла.
Монитор резко запищал.
— Давление падает!

Каталка с грохотом влетела в операционную.
Свет. Команды. Запах крови и антисептика.
Всё смешалось в один привычный хаос.
— Давление? — резко спросил Роман Александрович, уже надевая перчатки.
— Падает.
— Подготовить кровь. Быстро!
Я стояла с другой стороны стола, пытаюсь остановить кровотечение.
Руки двигались автоматически.
Страх приходит потом.
Не во время работы.
Павел лежал неподвижно.
Слишком бледный.
Ещё час назад такой человек, скорее всего, отдавал приказы.
Сейчас
Его жизнь держалась на цифрах монитора.
И даже они становились хуже.
Писк.
Писк.
Писк.
Роман резко поднял взгляд.
— Теряем.
По операционной пробежало напряжение.
— дефибрилятор.
Кто-то подал прибор.
Секунды.

Все ждали.
Монитор продолжал выдавать слишком ровный звук.
Неправильный.
Первый раз.
Ничего.
— Ещё.
Голос Романа стал жёстче.
Второй.
Ничего.
Тишина вдруг стала оглушающей.
Кто-то опустил взгляд.
Медсестра рядом тяжело выдохнула.
А Роман
Впервые за всё время выглядел человеком, который понимает:
Не получится.
Он сделал шаг назад.
Совсем немного.
Но я заметила.
— Время смерти — начал кто-то тихо.
— Нет! Слово вырвалось раньше, чем я успела подумать.
Несколько взглядов сразу повернулись ко мне.
Роман нахмурился:
— Настя—
Но я уже сделала шаг вперёд.
Почему? Не знаю.
Может из-за того взгляда в приёмном.
Или из-за его тихого:
Не дай мне сдохнуть.
Глупость. Полная.
Я отобрала у Романа дефибриллятор.
Руки неожиданно оказались спокойнее головы.
— Заряд.
Тишина.
Роман смотрел на меня, Будто хотел остановить. Но не остановил.
— Настя
— Заряд.
Голос прозвучал увереннее, чем я чувствовала себя внутри.
— Есть заряд.
Секунда.
Я посмотрела на лицо мужчины перед собой.
Слишком упрямое даже сейчас.
И тихо, почти неслышно произнесла:
— Только попробуй умереть.
Разряд.
Тело резко дёрнулось.
Монитор
Тишина.
Сердце ухнуло вниз.
А потом—

Пик.
Ещё.
Пик.
Неровный ритм.
Слабый.
Но живой.
Кто-то шумно вдохнул.
Медсестра рядом прошептала:
— Боже
Роман резко подошёл ближе к монитору.
Не веря.
— Пульс возвращается
По операционной снова началось движение.
Команды.
Инструменты.
Работа.
Но я почти ничего не слышала.
Только смотрела на экран.
Жив.
Он жив.
И в этот момент
Тяжёлые веки мужчины дрогнули.
Всего на секунду.
Почти бессознательно.
Но его взгляд остановился прямо на мне.
Мутный.
Слабый.
И всё же
Узнающий.
Будто среди шума, света и боли он понял:
Это снова она.
Потом глаза закрылись.
Снова темнота.
А я впервые за долгое время почувствовала странную дрожь в руках.
Не от страха, а от облегчения.

глава 4

Павел:
Темнота
Сначала была только она.
Тяжёлая. Тянущая вниз.
Будто тело давно перестало принадлежать мне, а сознание застряло где-то между.
Странное чувство.
Я столько раз смотрел смерти в лицо
Что почти привык. Но сейчас
Впервые не понимал:
Уже всё? Или ещё нет.
Потом появился звук.
Тихий.
Писк.
Снова.
Писк.
Медленно. Раздражает.
Значит, жив.
Первая мысль оказалась неожиданно простой:
Чёрт.
Грудь будто разрезали заново.
Каждый вдох отдавался болью.
Тело не слушалось.
Открыть глаза получилось не сразу.
Белый потолок. Запах лекарств. Больница.
Ненавижу больницы.
Попытался пошевелиться, и резкая боль мгновенно остановила.
— Не советую.
Женский голос.
Спокойный. Знакомый.
Я медленно повернул голову.
Она.
Та самая.
С приёмого.
Рыжая с зелёными глазами.
Слишком спокойная для человека, который работает рядом со смертью.
Уголок моих губ едва заметно дёрнулся.
— Значит не умер.
Голос прозвучал хрипло.
Почти чужим.
Она подняла глаза от планшета.
Несколько секунд смотрела молча.
Потом спокойно ответила:
— Как видите.
Я задержал взгляд дольше обычного.
Почему помню именно её?
Из всего остального

Только кровь. Выстрел. Шум.
И голос:
«Только попробуй умереть».
Она заметила мой взгляд.
Сразу.
Такие люди чувствуют.
Но вместо раздражения только спокойно подошла ближе, проверяя показатели на мониторе.
— Если собираетесь снова потерять сознание, предупреждайте заранее, — тихо сказала она.
— Организм и так еле справился.
Её взгляд задержался на цифрах.
Слишком внимательно.
— Второй раз может не повезти.
Голос спокойный.
Но что-то в нём
Не похоже на обычное безразличие.
Я смотрел, как она поправляет систему.
Как проверяет капельницу.
Руки маленькие. Спокойные.
Такие руки не должны держать чужую жизнь.
Но держали.
Мою.
Она слегка поправила край одеяла, которое успело съехать с моего плеча.
Автоматически.
Даже не думая.
Обычное движение.
Для неё.
Странно
Не помню, когда в последний раз кто-то касался меня так.
Не из страха.
Не из выгоды.
Не потому, что что-то нужно.
Просто
Чтобы стало лучше.
Неприятное чувство.
Незнакомое.
— Вам повезло, — тихо сказала она, продолжая что-то записывать. — Обычно после таких ранений люди не спорят через несколько часов.
Я продолжал смотреть.
Дольше, чем следовало.
Рыжие волосы уложены, будто после салона.
Идеальный натуральный макияж подчёркивал её зелёные глаза — безумно красивые, но такие же безумно уставшие.
Чертовщина.
Я видел слишком много красивых женщин.
Таких, которые знали силу своей внешности.
Таких, которые сами тянулись ближе.
Но в ней

Было что-то другое.
Что-то спокойное.
Живое.
Опасное по-своему.
Не красота, от которой хочется взять.
А та
На которую неожиданно хочется смотреть чуть дольше.
Странно.
И раздражает.
— Повезло? — медленно переспросил я.
Она подняла глаза.
И впервые между нами появилась настоящая тишина.
— Нет, — ответила спокойно. — Наверное, просто кто-то очень сильно не хотел умирать.
Секунда.
И что-то неприятно сжалось внутри.
Непривычно.
Я выдержал её взгляд.
— Это ты меня спасла.
Не вопрос.
Утверждение.
Она отвела взгляд первой.
Но не резко.
Будто не любила принимать благодарность.
— Вас спасла вся команда.
Ложь.
Я понял сразу.
Но спорить не успел.
Дверь палаты резко открылась.
Игорь.
Напряжённый.
Злой.
С глазами человека, который двое суток не спал.
Он остановился, увидев меня в сознании.
И впервые за много лет
В его лице появилось облегчение.
Настоящее.
Настя заметила сразу.
На секунду её взгляд смягчился.
Совсем немного.
Но потом снова стала собранной.
Игорь быстро подошёл ближе.
— Паш
Его голос впервые звучал почти сломанно.
Я нахмурился.
— Живой.
Хрипло.
Но достаточно.
Он выдохнул.
Будто только сейчас разрешил себе дышать.

Потом его взгляд переместился на неё.

И снова стал холодным.

Привычным.

— Выйдите.

Настя даже не повернулась.

Продолжала записывать показатели.

— Пациент ещё под наблюдением.

Тишина.

Игорь не привык, когда его игнорируют.

Я слишком хорошо знал этот взгляд.

Он сделал шаг вперёд.

— Я сказал—

Она подняла голову.

Спокойно.

Без страха.

— А я сказала: пациент под наблюдением. И, к тому же, меня приставили к вам как личного врача. Поверьте, я тоже не в восторге от этих обстоятельств.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Никто не отступал.

Странная девушка.

Она правда не понимала, кто перед ней.

Или

Ей было всё равно.

Почему-то второй вариант раздражал сильнее.

И одновременно

Вызывал интерес.

Настоящий.

Я впервые за долгое время поймал себя на мысли:

Мне хочется посмотреть

Как долго она сможет так смотреть людям в глаза.

Не боясь.

Спустя несколько минут Настя ещё раз внимательно проверила показатели на мониторе, поправила капельницу и убедилась, что состояние стабилизировалось настолько, насколько вообще могло после нескольких часов борьбы за жизнь.

Она уже собиралась выйти из палаты, когда вдруг остановилась возле двери.

Развернулась.

И посмотрела сначала на Игоря, а потом коротко на меня.

Спокойно.

Без напряжения.

Будто перед ней находился не человек, способный отдать приказ убить, а обычный родственник пациента, переживающий сильнее, чем показывает.

— Я понимаю, что вы друг или кто бы вы ни были, — произнесла она тихо, но уверенно.

— И понимаю, что у вас VIP-палата и вы можете здесь делать всё, что захотите.

По её выражению было видно: богатых клиентов она не особо любит.

— Но сейчас ему желателен покой. Как можно больше покоя, — уточнила она.

Игорь заметно напрягся.

Я увидел это сразу.

Не потому, что испугался.

Нет.

Просто такие, как он, не привыкли, когда им указывают.
Особенно женщины.
Особенно незнакомые.
Но Настя, кажется, либо не понимала этого
Либо ей было всё равно.
Перед тем как выйти, её взгляд ещё раз остановился на мне.
Всего на секунду.
Однако почему-то показалось — дольше, чем должен смотреть врач на пациента.
— И вас попрошу убрать своих амбалов от входа в палату и из больницы. Они пугают пациентов.
И вышла.
Я ухмыльнулся.
Рыжая бестия.
Ни капли страха у этой женщины.
В палате сразу стало тише.
Даже звук приборов вдруг начал раздражать сильнее обычного.
Несколько секунд мы с Игорем молчали.
Я собирался с силами, потому что любое движение до сих пор отдавалось болью где-то под рёбрами.
Плевать.
— Что с югом?
Голос прозвучал хрипло.
Слабее, чем мне хотелось.
Но достаточно.
Игорь изменился мгновенно.
Облегчение исчезло.
Передо мной снова стоял человек, которого я знал много лет:
Собранный.
Холодный.
Привыкший держать голову ясной даже тогда, когда вокруг всё рушится.
— Почти всех убрали. Виктор вместе с севером занимается остатками.
Я слегка нахмурился.
— Потери?
Игорь выдержал паузу.
Короткую.
Но достаточную.
— Трое наших. Семнадцать с их стороны.
Тишина.
Нормальная цена.
Могло быть хуже.
Я заметил, что он хочет сказать что-то ещё.
По взгляду.
По тому, как напряглась челюсть.
Но ждал.
Всегда ждал.
— Говори.
Он на секунду посмотрел в сторону двери, через которую вышла Настя, а потом снова перевёл взгляд на меня.
— Павел эта девушка может стать проблемой.

Я медленно поднял глаза.

— Объясни.

— Её приставили к тебе на время лечения. Она оперировала тебя, знает твоё состояние. Она знает слишком много. Видела документы, имя, людей рядом с нами. Постоянно находилась возле тебя всё это время.

Его голос стал тише.

Осторожнее.

— Не хотелось бы, чтобы позже это вышло нам боком. Наши враги быстро её вычислят и будут выбивать информацию.

Я молчал.

Почему-то вместо ответа в голове снова прозвучал её голос:

«Только попробуй умереть».

Чертовщина.

Игорь продолжил:

— Её лучше убрать

Сделал паузу.

— Если нужно я могу решить вопрос сам.

Палата погрузилась в тишину.

Слишком тяжёлую.

Игорь, конечно, верный.

И рассуждает правильно.

Но у меня есть правило:

Я не трогаю тех, кому должен.

Тем более тех, кто спас мне жизнь.

Я медленно перевёл взгляд на него.

Даже сейчас, лёжа почти без сил, увидел:

Он понял сразу.

Сказал не то.

— Этот вопрос я решу сам, — голос прозвучал тихо, но холодно.

Игорь напрягся.

— Павел, я

— Ты плохо услышал?

Он замолчал.

Мой взгляд задержался на нём дольше обычного.

— Если бы не она — каждое слово отдавалось неприятной болью. — Мы бы сейчас этот разговор вообще не вели.

Впервые за вечер Игорь ничего не ответил.

Через несколько секунд он открыл сумку и достал чёрную папку.

— Что это?

— Я принёс досье на Анастасию. Если не хочешь её убирать, хотя бы ознакомься с информацией о ней.

Я забрал папку и открыл её.

Несколько страниц.

Фотографии.

Краткая биография.

— Двадцать пять лет, — начал читать вслух. — Живёт с младшей сестрой. Семь лет училась на врача, с трудом находя деньги на обучение. До сих пор выплачивает кредиты, которые брала ради учёбы.

Переворачиваю страницу.

— Сестре семнадцать. Мечтает стать дизайнером и учиться в Париже.
Ещё одна страница.
— Бабушка умерла три года назад
Задерживаюсь взглядом на следующей строке.
— Отец погиб в автокатастрофе
Нахмурился.
Странно.
Не сама авария.
Фамилия.
Что-то в ней показалось знакомым.
Будто я уже слышал её раньше.
Очень давно.
Но мысль ускользнула раньше, чем я успел за неё зацепиться.
Я закрыл папку и положил её рядом с собой.
— И что ты хочешь, чтобы я сказал? — устало спросил я.
— Ничего, — ответил Игорь. — Просто будь осторожнее.
Я только усмехнулся.
Будто осторожность когда-нибудь помогала таким людям, как я.
А потом медленно закрыл глаза, чувствуя, как усталость снова тянет вниз.
Последняя мысль перед тем, как сознание начало уплывать, оказалась неожиданной:
Странная девушка.
Слишком спокойная.
Слишком смелая.
И почему-то
Меня раздражало, что мыслей о ней стало больше, чем должно.
Проснулся я ближе к полудню следующего дня, когда свет за окном уже окончательно вытеснил ночную темноту, а тупая боль под рёбрами успела стать чем-то постоянным.
Почти привычным.
Словно организм решил напоминать о случившемся при каждом вдохе.
Открывать глаза не хотелось.
Не потому, что было страшно увидеть очередной больничный потолок или услышать раздражающий писк приборов.
А потому, что я слишком хорошо понимал:
Пока я лежу здесь, жизнь за пределами этой палаты продолжается.
Люди принимают решения.
Территории делят без моего участия.
А подобное я ненавижу сильнее большинства вещей.
Попытка приподняться закончилась почти сразу.
Боль ударила резко.
— Я вижу, вы не учитесь на ошибках.
Прозвучал уже очень знакомый голос.
Я перевёл взгляд.
Сегодня у неё настроение намного бодрее, чем вчера.
Неужели у кого-то был утренний бодрящий секс?
Подумал про себя.
И где-то внутри промелькнуло лёгкое раздражение.
— Я просто не привык лежать так долго.
И только тогда заметил, что на бейджике написано:
Анастасия.

Настя приоткрыла окно.

— Ну, если для вас два дня мало, то боюсь представить, что с вами будет через две недели, когда вас выпишут.

Едва заметно ухмыльнулась.

— Я обычно не придерживаюсь правил.

Посмотрел ей прямо в глаза.

Настя не выдержала взгляд первой.

Опустила глаза в планшет, записывая что-то.

Я заметил небольшой румянец, появившийся на её лице.

Нет.

Не было у неё никакого секса сегодня.

И, судя по такой реакции на обычный взгляд

Давно никого не было.

— Ваши показатели улучшаются.

Теперь смотрела уже не так уверенно.

— Продолжайте принимать лекарства и старайтесь больше отдыхать.

Собралась выйти.

А я остановил.

— Спасибо, доктор Настя.

Она повернулась.

Улыбнулась.

Немного натянуто.

глава 5

Настя:

После выходного возвращаться в больницу всегда тяжелее.

Особенно когда этот единственный выходной оказался не совсем отдыхом, а попыткой сделать день рождения младшей сестры хоть немного похожим на праздник, несмотря на то, что последние годы деньги приходилось считать почти до мелочей.

Лиза никогда не жаловалась.

Наверное, это раздражало меня сильнее всего.

Потому что в шестнадцать лет девочки должны хотеть дорогую косметику, поездки, безумные покупки или хотя бы возможность не думать о том, сколько стоит очередная мечта.

А моя сестра радовалась торт, маленькому серебряному браслету и билету на выставку молодых дизайнеров, которую я обещала оплатить через пару месяцев.

«Когда-нибудь я уеду учиться в Париж, Насть, а потом куплю тебе дом у моря».

Я тогда только рассмеялась.

Будто ей самой не придётся бороться ради этой мечты.

На часах было почти восемь утра, когда я вошла в отделение с кофе в руках и привычным ощущением, что организм всё ещё спит, несмотря на несколько часов отдыха.

— О, явилась наконец, — сразу услышала голос Кати.

Она сидела за стойкой, листая что-то в телефоне.

— Спасибо за поддержку, — пробормотала я, снимая куртку. — Напомни, зачем мы вообще дружим?

Катя подняла взгляд.

— Потому что кроме меня никто не будет терпеть твой ужасный характер.

Я усмехнулась.

— Логично.

Она внимательно посмотрела на меня.

Слишком внимательно.

— Ну? Как прошёл день рождения Лизы?

На секунду уголки моих губ поднялись сами.

— Хорошо. Она плакала из-за подарка.

Катя сразу оживилась:

— Плакала нормально или как Лиза, которая плачет даже из-за милого котёнка?

— Второе.

Мы обе рассмеялись.

И впервые за несколько дней внутри стало спокойно.

Ненадолго.

Потому что Катя вдруг наклонилась ближе:

— Кстати

Опасный тон.

Я закатила глаза.

— Нет.

— Ты ещё даже не знаешь вопрос.

— Всё равно нет.

Она фыркнула.

— Твой красавчик выписался.

Я нахмурилась почти сразу.

— Кто?

Катя посмотрела так, будто я идиотка.

— Серьёзно? Мужчина, ради которого половина женского персонала последние дни находила повод лишний раз зайти в отделение.

Пауза.

И потом тише:

— Не может быть Ему ещё как минимум недели две нужно было лежать в больнице.

Странно.

Я поняла, что даже не знала его имени, потому что за сокрытие личности была заплачена огромная сумма.

Сразу вспомнился его вчерашний тяжёлый взгляд и фраза:

«Я обычно не придерживаюсь правил».

Чувствую, как начинаю краснеть.

Катя сразу перебивает мои мысли:

— Насть, о чём это ты подумала, что вся покраснела? — засмеялась она.

Иногда я жалею, что рассказываю ей всё.

Но, с другой стороны, знаю:

Она как сейф.

Надёжная.

И не предаст.

Катя продолжила:

— Насть ну ты, конечно, дурёха, что номер его не взяла. Он же тебя зацепил.

Я закатила глаза.

— И что теперь? У каждого номер брать? И вообще я врач, а он пациент.

Катя возмутилась:

— Ну и упустила ты свой шанс. У него был весь твой список: и брутальный, и уверенный, и чувствовала бы себя с ним как за каменной стеной

Я перебила её:

— И опасный. Это ты забыла уточнить. Он явно связан с чем-то нечистым.

Она подмигнула:

— Ой, я тебя прошу как по мне, это даже добавляет пикантности.

Я легонько ткнула Катю пальцем, и мы обе засмеялись.

В этот момент входные двери отделения открылись.

Слишком резко.

Трое мужчин.

Не пациенты.

Дорогие костюмы.

Тяжёлые взгляды.

Один подошёл к стойке регистрации.

— Нам нужна информация по пациенту.

Голос ровный.

Но неприятный.

Я сразу напряглась.

Опыт.

Иногда хватает секунды.

Администратор нахмурилась:

— Простите, мы не имеем права

— Павел Орлов, — перебил мужчина спокойно. — Кто занимался им после операции?

Тишина.

Всего на секунду.

Но недостаточная.

Я почувствовала:

Что-то не так.

Катя рядом тоже напряглась.

Мужчина продолжил:

— Нас интересует врач, который проводил с ним больше всего времени.

И почему-то

В этот момент несколько человек одновременно посмотрели в мою сторону.

Конечно, в ту же секунду по телу прошёл неприятный холод.

Потому что было слишком очевидно:

Эти люди пришли сюда не как родственники пациента.

И уж точно не как обычные знакомые.

В них было что-то другое.

Слишком спокойное.

Слишком тяжёлое.

И почему-то сразу появилось ощущение:

Рядом с подобными людьми случайностей не бывает.

Я медленно повернулась к Кате.

Попыталась улыбнуться.

Не вышло.

— Что-то слишком много криминальных личностей развелось в нашей больнице в последнее время, — пробормотала я тихо.

Катя наконец вышла из ступора и резко посмотрела на меня:

— Насть тебе нужно поговорить с главным врачом. Или хотя бы с директором. Мне это вообще не нравится.

Она понизила голос:

— Это кажется опасным. Может, они смогут принять какие-то меры.

Я тяжело выдохнула.

Потому что внутри уже крутилась другая мысль.

Только бы не потерять работу.

Глупо.

Наверное.

Но когда почти всю жизнь борешься за стабильность, начинаешь бояться её потерять сильнее, чем собственную безопасность.

— Посмотрим, — ответила я спокойнее, чем чувствовала себя на самом деле. — Сейчас закончу с бумажной работой

Потом посмотрела на неё:

— И, может, вечером сходим выпить вина? Нам давно пора обновить традицию.

Катя сразу оживилась.

Как всегда.

— Буду ждать тебя возле выхода.

Я невольно улыбнулась.

У нас с Катей уже несколько лет существовала странная традиция:

Хотя бы раз в месяц выбирать наш маленький любимый бар, заказывать вино и обсуждать всё подряд — мужчин, жизнь, работу, ошибки, мечты.

Иногда мне казалось:

Без этих вечеров я бы давно сломалась.

Через полчаса, закончив большую часть документов, я направилась в кабинет администрации, мысленно составляя список дел на остаток смены.

Но, заходя внутрь, неожиданно остановилась.
Потому что там уже кто-то был.
— Добрый вечер, Настя.
Голос знакомый.
Я подняла взгляд.
Александр Яковлевич.
Директор больницы.
Мужчина лет шестидесяти с усталым, но удивительно добрым взглядом, который помнил меня ещё ребёнком, когда отец иногда приводил меня сюда после школы.
Я сразу улыбнулась от неожиданности.
— И вам добрый вечер, Александр Яковлевич. Рада вас видеть.
Он ответил улыбкой.
Но слишком быстро стал серьёзным.
Плохой знак.
— Настя, мне сообщили обстоятельства той операции.
Он сделал небольшую паузу.
— Во-первых я хотел тебя похвалить. Ты, как обычно, сработала на уровне выше многих врачей с большим опытом, и я рад, что когда-то настоял взять тебя в нашу команду.
Я опустила взгляд.
Смущение.
Привычное.
Он продолжил мягче:
— И уверен твой отец бы очень гордился тобой.
Улыбка появилась автоматически.
И так же быстро исчезла.
Потому что рядом с мыслями об отце всегда приходила горечь.
Он был одним из лучших врачей этой больницы.
Когда-то.
До аварии.
До звонка среди ночи.
До слов:
«Мне очень жаль».
Александр Яковлевич заметил.
Конечно заметил.
Но тему не продолжил.
Вместо этого протянул мне плотный конверт.
Я нахмурилась.
— Что это?
Он тяжело выдохнул, впервые за разговор выглядя по-настоящему напряжённым.
— Настя присядь.
Я медленно села.
Сердце почему-то стало биться быстрее.
Интуиция.
Иногда она появляется раньше проблем.
— Человек, которого вы спасли несколько дней назад — начал он осторожно. — По имеющейся информации, связан с очень серьёзными людьми.
Пауза.
— Даже слишком серьёзными.
Я молчала.

Он продолжил:

— Сегодня в больницу уже приходили мужчины и задавали вопросы о персонале, который контактировал с ним.

Неприятный холод снова пробежал по спине.

Тот же.

Что был утром.

— И что это значит? — спросила я тихо.

Александр Яковлевич сцепил руки.

Будто подбирал слова.

— Это значит, что я не уверен в твоей безопасности.

Тишина.

Только часы на стене.

Слишком громко.

— Малейшее, что мы можем сделать как больница

Он подвинул ко мне конверт.

— Дать тебе оплачиваемый отпуск минимум на месяц, а возможно, и на два.

Я резко подняла взгляд.

— Что?

Он кивнул спокойно:

— Настенька, твоя безопасность важнее всего. И к тому же отдых тебе очень нужен. Возьми сестру, слетайте куда-нибудь, развейтесь.

Я замерла.

Пауза.

Слишком долгая.

А внутри вдруг появилось странное ощущение.

Будто обычная жизнь

Снова начинает ускользать из рук.

Наш маленький бар почти не менялся последние годы.

Те же приглушённые лампы с тёплым жёлтым светом.

Старые деревянные столы с едва заметными царапинами.

Джазовая музыка, играющая настолько тихо, будто боялась помешать чужим разговорам.

И люди, которые приходили сюда не ради алкоголя, а чтобы хотя бы ненадолго забыть собственную жизнь.

Именно поэтому мы с Катей его любили.

Потому что здесь можно было снять маску.

Хотя бы на пару часов.

— Я всё равно рада, что Александр Яковлевич поступил именно так, — произнесла Катя, медленно вращая бокал с вином в руках. — Это правильно, Насть.

Я подняла взгляд.

Она выглядела серьёзнее обычного.

Редкость.

— Ты достойна этого отпуска. Твоя безопасность превыше всего. Дай бог, через месяц всё утихнет.

Я усмехнулась.

Без особого веселья.

— Эти мужчины всё портят, — выпиваю бокал до дна. — Один изменил, один оказался женат, а один вообще рушит мою безопасность и планы.

Пауза.

— Просто настолько непривычно быть далеко от работы целый месяц.

Катя закатила глаза.

— Послушай себя. Нормальные люди мечтают отдыхать, а ты выглядишь так, будто тебя наказали. К тому же ты этому мужчине ещё спасибо должна сказать за оплачиваемый отпуск.

И, догоняя меня, допила свой бокал.

Я невольно улыбнулась.

— Возможно.

Она наклонилась ближе.

— Насть когда ты последний раз жила для себя?

Тишина.

Странный вопрос.

Потому что ответа не было.

Работа.

Лиза.

Бабушка раньше.

Счета.

Учёба.

Снова работа.

Наверное

Давно.

Катя заметила молчание сразу.

Поэтому резко сменила тему:

— Ладно. Раз у тебя отпуск, предлагаю найти богатого мужчину лет сорока и жить спокойно.

Я рассмеялась.

Впервые нормально за вечер.

— Катя, у тебя каждые выходные новый богатый мужчина.

Она подняла палец:

— И ни один пока не захотел оплачивать мне жизнь.

— Удивительно.

— Не издевайся.

Мы снова рассмеялись.

И на секунду всё стало обычным.

Почти.

Пока возле нашего столика не остановились двое мужчин.

Как обычно.

Дорогие часы.

Слишком уверенные улыбки.

— Девушки, можно познакомиться?

Катя сразу оживилась:

— Смотря с какой целью.

Один усмехнулся.

— Хорошее начало.

Я отпила из нового бокала вина.

Не вмешиваясь.

Привычно.

Потому что Катя любила подобные разговоры.

Через несколько минут один из мужчин неожиданно спросил:

— Кстати вы ведь из городской больницы?

Мы с Катей одновременно подняли глаза.

Неприятно.

Слишком.

— Допустим, — осторожно ответила она.

Мужчина усмехнулся:

— Просто недавно слышал историю про какого-то серьёзного пациента. Полгорода это обсуждает.

Чёрт.

Опять.

Катя быстро перевела разговор.

Но внутри неприятно кольнуло.

Потому что имя Павла словно начало появляться слишком часто.

После этого вечер уже не ощущался лёгким.

Даже вино.

Даже музыка.

Через пару часов мы с Катей вышли на улицу.

Ночной воздух оказался холоднее, чем ожидалось.

Я проводила её до такси.

Катя обняла меня крепче обычного.

— Если станет страшно звони.

Я закатила глаза.

— Драматизируешь.

Она долго смотрела на меня.

— Нет.

Тишина.

Потом дверь закрылась.

Такси уехало.

Я осталась одна.

На пустой улице.

Только редкие машины.

Свет фонарей.

И телефон в руках.

Моё такси задерживалось.

Отлично.

Я уже собиралась открыть приложение снова, когда рядом медленно остановился чёрный G-wagen.

Слишком дорогой.

Слишком знакомый тип машины.

Неприятное чувство появилось мгновенно.

Дверь открылась.

И время будто на секунду остановилось.

Павел.

Он вышел спокойно.

Будто встретил знакомого.

Не человека, который должен был лежать в больнице ещё две недели.

Сердце резко ударило где-то под рёбрами.

Слишком сильно.

Я автоматически сделала шаг назад.

Потом ещё один.

Он заметил.

Конечно.

— Не пугайся, — его голос прозвучал низко и неожиданно спокойно. — Если бы хотел причинить вред, разговор был бы другим.

Страх только усилился.

Потому что именно такие мужчины говорят спокойно.

Я быстро оглянулась.

Пусто.

Чёрт.

— Что вы здесь делаете? — спросила я, ненавидя дрожь в собственном голосе.

Он смотрел несколько секунд.

Слишком внимательно.

— Решаю проблему.

Я нахмурилась.

Все мне конец.

— Какую?

Пауза.

— Твою безопасность.

По спине снова пробежал холод.

— Мне ничего не угрожает.

Ложь.

Мы оба это поняли.

Он сделал шаг ближе.

Медленно.

Будто не хотел спугнуть.

— Настя, люди начали задавать вопросы. Те, кто приходит с вопросами

Ещё пауза.

— Не всегда уходят только с ответами.

Я покачала головой.

Слишком быстро.

— Нет.

Шаг назад.

— Нет. Что бы это ни было — я не поеду.

Он выдохнул.

Устало.

Будто ожидал именно этого.

— Ты умная женщина, — произнёс тихо. — Не будь капризной, как остальные.

Внутри всё сжалось.

Страх.

Настоящий.

Я резко развернулась.

Побежать.

Но успела сделать всего несколько шагов.

Чья-то рука перехватила меня раньше.

Слишком быстро.

Паника ударила мгновенно.

— Отпустите меня!

Последнее, что я запомнила:

Низкий голос совсем рядом.

Спокойный.

Почти раздражённый.

— Грузите её в машину.

Голос Павла звучал холодно и собранно.

А затем

Темнота.

глава 6

Павел:

Мой кабинет всегда был единственным местом в доме, где становилось тихо.

Не спокойно.

Такого чувства я давно не знал.

Просто тихо.

Тёмно-серые стены, массивный стол из чёрного дерева, четыре сейфа для длинного оружия вдоль дальней стены и ещё два встроенных — под пистолеты, аккуратно разложенные так, будто порядок способен компенсировать хаос, который сопровождает мою жизнь.

На столе лежали документы, несколько пачек наличных, телефон и сигареты, которые я давно бросил, но почему-то продолжал хранить рядом.

Привычка.

Дом был слишком большим для одного человека.

Два этажа.

Двадцать комнат.

Люди вроде меня редко строят дома ради уюта.

Чаще —

ради безопасности.

Я сидел за столом только в серых спортивных штанах, без футболки, чувствуя, как бинты, плотно стягивающие грудь и плечи после операции, неприятно тянут при каждом движении.

Белая ткань резко выделялась на фоне старых шрамов и напряжённых мышц — тело, привыкшее много лет решать вопросы силой, сейчас вынужденно напоминало:

Даже самые сильные иногда становятся уязвимыми.

Ненавижу это чувство.

В дверь коротко постучали.

Неуверенно.

Странно.

— Входи.

Игорь вошёл быстро.

Слишком быстро.

По его лицу сразу понял:

Что-то произошло.

Я поднял взгляд.

— Если бы она просто проснулась, ты бы не пришёл сообщать.

Уголок моих губ едва заметно дрогнул.

Игорь тяжело выдохнул.

— Она проснулась час назад.

Пауза.

— И за это время успела разбить рамку, кинуть книгой в охрану и угрожать всем, кто пытается подойти.

Несмотря на раздражение

Я усмехнулся.

Странная женщина, но сильная духом.

— Понял.

Я поднялся слишком резко.

Это была ошибка.

Боль сразу прошла по грудной клетке горячей волной.

Игорь заметил.

Конечно.

Но сделал вид, что нет.

За это я держал его рядом столько лет.

Поднимаясь по лестнице, уже слышал шум.

Грохот.

Чей-то недовольный голос.

Потом:

— Не подходите ко мне!

Страх.

Настоящий.

Когда вошёл в комнату, первое, что увидел —
разбитое стекло на полу.

Второе —

её.

Настя стояла возле окна.

Бледная.

С растрёпанными после сна волосами и огромными глазами человека, который
проснулся в чужом доме и несколько часов пытался понять:

Кошмар это или реальность.

На ней была длинная белая футболка, которая едва прикрывала низ —
первое, что нашёл вчера ночью, когда пришлось переодеть её после укола успокоитель-
ного.

Слишком большая футболка.

Будто Настя потерялась внутри неё.

Странно.

Из всех женщин, которые когда-либо были в этом доме, большинство приходили сюда
уверенными.

Красивыми.

Знающими, какое впечатление производят.

И что будет ждать их ночью, когда вернусь утихать мужские потребности.

Она —

контраст всему этому.

Испуганная.

Злая.

Готовая бросаться книгами в охрану.

И почему-то именно это цепляло сильнее.

Не внешность, а её характер.

То, как даже в страхе она продолжала бороться.

Сумасшедшая женщина.

Один из охранников осторожно держал поднос с нетронутым завтраком.

Она даже не посмотрела.

— Выйдите, — спокойно сказал я.

Игорь нахмурился:

— Павел—

— Я сказал: выйдите.

Через несколько секунд дверь закрылась.

Мы остались вдвоём.

Тишина.

Напряжённая.

Она заметила осколок разбитой рамки раньше меня.

Сразу подняла его, дрожащими руками направив в мою сторону.

И не думала отступить.

— Не подходите, — голос сорвался почти сразу. — То, что вы делаете ненормально.

Я смотрел спокойно.

— Возможно.

Её глаза расширились.

Будто ожидала оправданий.

— Тогда отпустите меня.

Секунда.

— У меня сестра.

Первый раз её голос изменился.

Не злость.

Что-то другое.

— Она одна.

Я сделал шаг ближе.

Потом ещё один.

Медленно.

— Насчёт сестры тебе не о чем переживать.

Она замерла.

— Что?

— За ней присмотрят.

Ошибка.

Я понял сразу.

Потому что страх в её глазах вырос.

— Вы следили за моей семьёй? — почти шёпотом.

Первая слеза появилась неожиданно быстро.

Это была не истерика.

Хуже.

Человек слишком долго держался.

— Пожалуйста просто отпустите меня.

И именно в этот момент она резко двинулась вперёд.

Мой инстинкт сработал раньше её попытки ударить.

Я перехватил её руку быстрее.

Осколок упал на пол.

Ещё секунда —

и она уже стояла спиной к стене.

Потому что иначе снова попыталась бы вырваться.

Одна моя рука удерживала её запястье.

Вторая прижимала её бедро к стене.

Не чтобы причинить боль.

А чтобы не дать ей двинуться и заставить посмотреть мне в глаза.

Её дыхание сбилось.

— Посмотри на меня, — сказал тихо.

Она покачала головой.

— Я сказал: посмотри.

Несколько секунд.

Потом подняла взгляд.

Такой испуганный.
И одновременно злой.
Живой.

Я поднял пальцами её подбородок, заставляя перестать смотреть куда угодно, кроме меня.

— Ты умная женщина, — произнёс спокойно. — Не будь капризной.

Пауза.

— Я не позволю людям использовать тебя против меня, а потом убить.

Её губы дрогнули.

Недоверие.

Логично.

— Тогда зачем я здесь?

Вот это уже правильный вопрос.

Я выдержал несколько секунд.

Потом ответил честно:

— Потому что люди, которые захотят прийти за тобой могут оказаться быстрее меня.

Пауза.

— Под моей крышей ты в наибольшей безопасности.

И впервые за всё время страх в её глазах смешался с сомнением.

В этот момент резкая боль прошла по груди.

Настолько сильная, что удержать лицо полностью спокойным не получилось.

Чёрт.

Она заметила сразу.

Взгляд резко изменился.

Опустился ниже.

На бинты.

Белая ткань медленно темнела.

Кровь.

Несколько секунд назад она боялась меня.

Сейчас

В глазах появилось другое.

Профессиональное.

Почти автоматическое.

Она нахмурилась.

Словно злость вдруг стала сильнее страха.

— Вы идиот, — выдохнула тихо.

Я поднял бровь.

Странная реакция.

Она осторожно высвободила руку.

На этот раз не пытаясь бежать.

Осмотрела бинты.

И только потом резко подняла взгляд:

— Аптечка где?

Пауза.

Потом раздражённо:

— Если снова откроются швы, второй раз вытаскивать вас я не собираюсь.

Несколько секунд я просто смотрел.

Необычная женщина.

Пленница, которая злится на кровь человека, которого боится.

И всё равно пытается спасти.
Она раздражённо выдохнула:
— Аптечка где?
Я кивнул в сторону шкафа возле стены.
Настя замерла на секунду.
Будто только сейчас поняла:
Я действительно не собираюсь её останавливать.
Потом быстро подошла.
Открыла дверцу.
Шум упаковок.
Баночки.
Антисептик.
Движения стали другими.
Уверенными.
Без паники.
Будто страх временно отошёл куда-то назад, уступив место привычке.
Она вернулась и поставила всё на стол.
— Сядьте.
Я поднял бровь.
— Это приказ?
Она даже не посмотрела в глаза.
Раскрывала бинты.
— Да. Пациенты вроде вас обычно делают всё, чтобы стало хуже.
Несмотря на боль, уголок моих губ дрогнул.
Наглая.
Я сел.
Она подошла ближе.
Слишком близко.
Тонкие пальцы осторожно коснулись края повязки.
Первые секунды Настя хмурилась только из-за работы.
Потом, кажется, заметила старые шрамы.
Один под рёбрами.
Ещё один возле плеча.
Пауза.
Очень короткая.
Но я почувствовал.
— Что? — спросил спокойно.
Она вздрогнула.
— Ничего.
Ложь.
Я видел, как взгляд задержался чуть дольше положенного.
Не на бинтах.
На теле человека, которого она должна ненавидеть.
Странная реакция.
Её пальцы снова потянулись к повязке.
Осторожно.
Слишком осторожно для той, кто недавно держала осколок у моего горла.
Я усмехнулся тихо:
— Доктор.

Она нахмурилась:
— Что?
— Ты всегда так внимательно смотришь на пациентов?
Руки замерли.
На секунду.
Только на одну.
Потом продолжили работу быстрее.
— Я проверяю состояние раны, — посмотрела мне в глаза. — Не хочется, чтобы вы умерли, если собрались защищать меня.
Спокойный ответ.
Почти.
Я опустил взгляд на её лицо.
Щёки едва заметно порозовели.
Интересно.
— Конечно, — произнёс тихо. — Исключительно профессиональный интерес.
Она резко подняла глаза.
Смущение мгновенно сменилось раздражением.
— У вас слишком высокая самооценка.
Теперь уже я усмехнулся по-настоящему.
Боль отдалась в груди.
Настя сразу заметила.
Выражение лица изменилось.
Опять.
Будто внутри неё жили два человека:
Одна боялась и ненавидела меня.
Другая не умела проходить мимо чужой боли.
Она осторожно коснулась края шва.
Нахмурилась сильнее.
— Кто вас зашивал?
— Лучший хирург.
— Тогда почему вы ведёте себя так, будто хотите открыть швы заново?
Я молчал.
Она подняла взгляд.
И вдруг спросила тихо:
— Сколько людей вы убили?
Комната застыла.
Даже воздух стал тяжелее.
Её руки больше не двигались.
Ждала ответа.
Я смотрел прямо перед собой несколько секунд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.